

Мне разрешили быть около сына. Врач предупредил меня, чтобы я подготовила сына к тому, что после операции под наркозом ему захочется пить, но пить нельзя будет часа четыре.

Одели моего Олега в белый халат, в нем он вошел в операционную. Как всегда, медперсонал был в масках. Эта необычная обстановка вначале поразила Олега, и он растерялся, но врач-профессор, приветливо улыбаясь, подбодрил его:

— Ну, Олег, видишь, тут все женщины, и только мы с тобой двое — мужчины. Крепись! Смотри не заплачь, чтоб потом над нами не смеялись.

— А я и не думаю плакать, — ответил подбодренный этими словами Олег. — Вы думаете, мне сейчас страшно? Совсем нет! Я не плакал даже тогда, когда был совсем маленький и разбил о ведро бровь.

— А теперь сколько тебе лет? — спросил профессор.

— Семь с половиной.

— Ого! — как будто удивился профессор. — Ты, пожалуй, уж и в школе учишься?

— Во втором классе! — не без гордости ответил Олег.

Олега положили на операционный стол, он начал считать за ассистентом, но заснул только на сорок пятой секунде. Я вышла.

Когда после операции Олега принесли в палату, он был мертвенно-бледным. Плотные закрытые губы запеклись.

— Воды, — прошептал он еле слышно.

Забыв о предупреждении врача, я поднесла Олегу ложечку холодной воды, но он спросил слабым голосом:

— А разве уже прошло четыре часа?

Олег пролежал в больнице десять дней, и все время или я, или бабушка Вера дежурили около него. Помню, как Олег просил ее не рассказывать ему смешных сказок: